

— Ты ведь на самом деле не любишь мужчин, верно? — Чэн Шуан смотрела на Цю Цзинью с хищным прищуром. Она была подобна острозубому волку, чьё каждое слово било точно в цель.

— Какое отношение это имеет к тому, зачем ты позвала меня сегодня? — Цзинью отказалась отвечать на провокацию. Она не знала, не станет ли эта женщина, получив прямое признание, разносить слухи по всей компании, чтобы в итоге лишить её там места.

— Ой, да какая разница. Просто хотела убедиться. Если это так, то всё становится гораздо проще, — Чэн Шуан отпила сок из стакана, краем глаза наблюдая за выражением лица собеседницы.

— И в чём же простота?

— Найди женщину, приведи её к нему и скажи, что тебя привлекают только девушки. Как думаешь, рискнёт ли он после этого к тебе приближаться? — Чэн Шуан подмигнула, считая свой план безупречным. Цю Цзинью лишь усмехнулась, а её взгляд стал холодным и колючим.

— Чэн Шуан, ты совершенно не понимаешь, что за человек Ван Фэньюй. Он не поверит в твои уловки. Я не только не избавлюсь от него, но и попаду в твою ловушку, а сплетни в компании поползут первыми именно из твоих уст, — гнев сделал лицо Цзинью холодным, а тон — лишённым всякой вежливости. — Я давно знаю, что ты метишь на моё место, но если думаешь, что победить меня так легко, ты глубоко заблуждаешься.

Сказав это, Цзинью подхватила сумку и вышла из кафе. Эта женщина не могла дать ей дельного совета, прийти сюда было ошибкой.

Чэн Шуан смотрела на удаляющуюся фигуру, но не злилась. Она невозмутимо потягивала сок. Хотя сегодняшний разговор не принёс особых плодов, Цзинью пришла на встречу, а значит, она не питает симпатии к господину Вану. Догадка, которую она вынашивала так долго, подтвердилась, и это не могло не радовать. Что касается мужчин, то они никогда не откажутся от женщины, которая сама идёт к ним в руки. А если возникнут вопросы — можно спросить его напрямую.

Цзинью перекусила на ходу. Ещё до окончания рабочего дня позвонила Гуань Сяо и предупредила, что не вернётся ужинать, поэтому ждать её не стоит. У Цзинью не было никакого желания готовить что-то для себя одной. Прослonyaвшись до восьми вечера, она окончательно утратила интерес к прогулкам и заглянула в книжный магазин. Купив несколько книг, она надеялась, что они помогут скоротать скучные часы и отвлечься от мыслей об этой женщине. Однако, открыв дверь квартиры, она к своему удивлению увидела Гуань Сяо. Та сидела на диване перед телевизором и, заметив её, озарила яркой улыбкой:

— Цзинью, ты вернулась!

Цзинью показалось, что у неё галлюцинации. Разве Гуань Сяо не должна была ужинать с тем

мужчиной? Почему она здесь? Неужели что-то случилось?

— Гуань Сяо... ты разве не...

— Собиралась поужинать с ним, но у него возникло срочное дело, и он ушёл. Слава богу, удалось сбежать, — Гуань Сяо закатила глаза и откинулась на спинку дивана.

— Что значит сбежать? Он тебя обидел? — Цзиньюй села рядом, и маленький диванчик заставил их придвинуться вплотную.

— Ой, он сегодня приехал встречать меня после работы, ждал у входа в компанию, это было так неловко... — Ли Гуань Сяо в двух словах пересказала события дня. Она надеялась услышать слова понимания, но реакция Цзиньюй оказалась совсем иной.

— Разве это не прекрасно, когда кто-то так заботится о тебе?

— Но разве ты не находишь его слишком навязчивым? И к тому же... — Ли Гуань Сяо вспомнила, как каждый разговор с ним напоминал трясину: стоит начать, и ты уже не властна над собой, погружаясь всё глубже. — Он словно мастерски управляет чужой психологией. Мне кажется, я просто поддакиваю ему, совершенно забывая о том, что хотела сказать сама.

— Возможно, это потому, что вы знакомы совсем недавно. В отношениях всегда кто-то должен проявлять инициативу, — Цзиньюй замолчала и опустила голову. Рассуждать о вещах, прочитанных в книгах, было легко, но следовать им самой — невероятно сложно. О своей склонности к женщинам она знала с детства. Предательство отца лишило её всякой симпатии к мужчинам. В школьные годы она тайно была влюблена в соседа по парте, и когда робкая и застенчивая, она наконец решилась признаться в День дурака, то увидела лишь взгляд, полный отвращения, будто она была монстром. Любовь увяла, не успев расцвести. С того дня она усвоила жестокую истину: не каждый готов принять столь постыдное чувство. С тех пор она больше не смела говорить о своих симпатиях, прячась в своей раковине и наблюдая за миром изподтишка.

— Может быть... Ох, Цзиньюй, мне так тоскливо, словно камень на душе... — Гуань Сяо надула губы и нахмурилась, глядя на Цзиньюй, которая ещё не успела переодеться из делового костюма.

— Тогда пойдём попоём, время ещё раннее, — Цзиньюй взглянула на настенные часы — четверть девятого, самое время.

— Отличная идея, мне как раз нужно выпустить пар! — они быстро пришли к согласию. Гуань Сяо, не теряя времени, переоделась и потянула Цзиньюй к выходу. Раньше, когда ей было плохо, она поднималась на горный хребет и кричала вниз, пока в горле не появлялся привкус крови. После этого крика всё напряжение исчезало.

Они стояли у лифта, ожидая кабину. Когда двери распахнулись, глаза Гуань Сяо расширились, а рот открылся так широко, что туда мог бы поместиться куриный яд. Она выдохнула, глядя на человека в кабине:

— Папа?

17. Глава семнадцатая

— Это твой отец? — Цзиньюй невольно замолчала, глядя на сгорбленного старика. Его желтоватое, измождённое лицо украшали треугольные глаза, в которых, впрочем, ещё теплился какой-то мутный блеск. Старик что-то сказал Гуань Сяо на диалекте, а Цзиньюй, не поняв ни слова, перевела взгляд на застывшую подругу. На её лице смешались радость и горе.

Не дождавшись ответа, старик вдруг рухнул на колени и зарыдал. Жалобный плач эхом разнёсся по этажу, заставляя соседей приоткрывать двери. Цзиньюй поспешила помочь старику подняться.

— Дядюшка, вставайте, некрасиво же, — но старик не слушал, продолжая выть и что-то выкрикивать на диалекте. Лицо Гуань Сяо помрачнело. Она бросила отцу пару резких слов, и только тогда тот поднялся. Цзиньюй поддерживала старика сзади, а Гуань Сяо молча шла впереди. Так они и вернулись в квартиру.

Старик присел на край дивана, а Гуань Сяо, не желая с ним разговаривать, прошла в свою спальню. Цзиньюй услышала, как открылся ящик стола. Вскоре Гуань Сяо вышла с банковской книжкой и с силой швырнула её на журнальный столик. Она холодно опустилась на диван. Старик бросил взгляд на книжку, схватил её и принялся внимательно изучать цифры. Увидев сумму, он пришёл в восторг, начал что-то говорить, но лицо Гуань Сяо исказилось от ярости. В конце концов она не выдержала и закричала:

— Сколько ты ещё должен? Тебе мало этих денег? Чего ты хочешь? Ты погубил маму! Какой смысл в твоей жизни? Почему ты просто не подох где-нибудь!

Старик, услышав столь жестокие слова, пришёл в ярость и начал оглядываться, ища, чем бы ударить дочь.

— Дядюшка, давайте спокойно поговорим, не злитесь, Гуань Сяо не хотела вас обидеть! — Цзиньюй попыталась вмешаться.

— Я воспитываю эту неблагодарную девку, а ты кто такая! — прорычал старик, переходя на ломаный путунхуа.

— Я соседка Гуань Сяо, пожалуйста, успокойтесь, — добродушная Цзиньюй не обиделась на грубость, продолжая мягко убеждать его. Разъярённая Гуань Сяо, не обращая внимания на попытки Цзиньюй её утихомирить, вскочила с покрасневшими глазами:

— Ты приходишь только тогда, когда нужны деньги! Два года назад было то же самое, и

сегодня опять! Есть ли в тебе хоть капля отцовской ответственности? Тебе обязательно нужно, чтобы все вокруг узнали о твоих долгах? У тебя нет стыда, а у меня он есть!

— Ах ты дрянь! Долги отца — это долги детей, так заведено! Осмотрелась в городе и научилась хамить отцу? — старик схватил с журнального столика железную коробку для салфеток и швырнул в Ли Гуань Сяо. В тот момент, когда острый край коробки должен был ударить её в лоб, фигура Цзиньюй заслонила её собой. Удар пришёлся прямо по переносице. Из носа хлынула кровь, острая боль вызвала слёзы, и Цзиньюй, зажимая нос, опустилась на пол. Гуань Сяо застыла, глядя на ярко-алые капли на полу.

— Цзиньюй! Ты как? — Гуань Сяо схватила её за плечи, кровь просачивалась сквозь пальцы, выглядя ужасающе. — В больницу! Цзиньюй, я отвезу тебя в больницу! — забыв о виновнике, она помогла Цзиньюй подняться, надела на неё обувь в прихожей, и они выбежали из квартиры.

— Не волнуйся, это несерьёзно, дойдём до клиники внизу, — сказала Цзиньюй, зажимая нос, во рту у неё стоял металлический привкус крови.

— Цзиньюй, это всё моя вина! Лучше бы он меня убил, зачем ты полезла?! — Гуань Сяо, виноватая и убитая горем, крепко держала её за руку. Она не знала, как простить себе, если красивое лицо Цзиньюй будет изуродовано.

— Всё в порядке, я знаю, просто кожа рассечена, — голос Цзиньюй из-за зажатого носа звучал глухо, словно она сдерживала рыдания, что лишь усиливало боль в сердце Гуань Сяо.

Они добежали до клиники. Когда врач начал обрабатывать рану спиртом, резкая боль заставила Цзиньюй крепко сжать руку Гуань Сяо.

— Доктор, осторожнее, ей очень больно, — Гуань Сяо сама поморщилась.

— Хм, не знаю, как вы умудрились так подрасться, но по лицу бить нельзя! Хорошо, что рана неглубокая, а то пришлось бы накладывать швы, и шрама было бы не избежать! — ворчал врач, хотя действовал мягче. — Вот, готово. Перевязку меняйте через день, воду не мочите. Если останется шрам — ко мне не приходите.

— Спасибо, доктор, извините за беспокойство, — глухо поблагодарила Цзиньюй. На всё про всё ушёл час, и когда они вышли на улицу, было уже почти десять вечера. В ночном воздухе чувствовалась прохлада — осень была не за горами.

— Цзиньюй, тебе всё ещё больно? — Гуань Сяо с тревогой смотрела на подругу. Как она завтра пойдёт на работу? Это она стала причиной её страданий.

— Уже нет. Не грусти, ничего страшного, пара дней — и всё пройдёт, — Цзиньюй старалась

говорить спокойно, чтобы облегчить груз на душе у Гуань Сяо. Она ни капли не жалела, что закрыла её собой.

— Эх... — Гуань Сяо тяжело вздохнула и села на скамейку у дороги, закрыв лицо руками. Цзиньюй впервые видела её в таком состоянии. Она села рядом, желая расспросить об отце, но не зная, с чего начать. Впрочем, вскоре Гуань Сяо сама начала рассказ.

— Два года назад отец уже появлялся. Всё было точно так же: я не давала денег, он шёл в компанию и устраивал скандал. В итоге мне пришлось уволиться. После этого я сменила несколько мест, но везде всё было не слава богу. И вот нашла новую компанию... Не повезло мне с отцом. Он с детства не жил с нами, нас поднимала мама. Она, брат и сестра всегда меня берегли, отдавали лучшее. Тогда я думала: пусть у меня нет отца, я всё равно счастлива. Но однажды, когда я училась в средней школе, я вернулась домой и увидела во дворе кучу людей. Они окружили маму, брата и сестру. Один из них, с сальным лицом, толкнул маму и начал бить ногами, требуя деньги. Я тогда, не думая, бросилась на них, защищая маму, кричала... Видя брата и сестру в крови, я до смерти испугалась, но не могла отступить. Один из них схватил меня, я укусила его, а он в ответ ударил меня по лицу. До сих пор помню, как он держал меня за руку и говорил маме, что если не вернём долг, то отрежет мне кисть. Мама тогда унижалась перед всеми, одалживая деньги, чтобы погасить его карточный долг. Но он не изменился ни на йоту, — Гуань Сяо сжала кулаки до побелевших костяшек.

— Цзиньюй, скажи, разве он достоин называться отцом? Я ненавижу его! Хочу, чтобы он исчез, чтобы мама перестала страдать! — всегда сильная Гуань Сяо разрыдалась. Она боялась идти домой, боясь увидеть измождённую мать, и ненависть к отцу росла. Но мать лишь твердила, что он её отец и это судьба, от которой не уйти.

— Гуань Сяо, посмотри на меня, — Цзиньюй, выслушав этот крик души, почувствовала, как сердце сжимается от жалости к этой женщине, которой пришлось так рано повзрослеть. — Если что-то случится, обязательно говори мне. Я помогу, слышишь? — она искренне смотрела на неё. — Если ноша слишком тяжела для одного, её можно нести вдвоём.

Встретившись взглядом с Цзиньюй, Гуань Сяо почувствовала, как к горлу подкатил ком.

— Цзиньюй, почему ты так добра ко мне? Тебе следовало держаться подальше, я ведь втянула тебя в свои проблемы.

— Не говори глупостей. Я помогаю по своей воле. В конце концов, мы же... соседки, — Цзиньюй нежно стёрла слезу с щеки Гуань Сяо.

— Никто не бывает добр просто так, Цзиньюй. Я понимаю твоё сердце, но... — Гуань Сяо прошептала это про себя, так что Цзиньюй не могла услышать. Горе захлестнуло её, слёзы лились неудержимо. Она не знала, плачет ли по своей несчастной доле или из-за того, что Цзиньюй пострадала ради неё.

Видя, что Гуань Сяо никак не успокоится, Цзиньюй прижала её к себе и принялась мягко гладить по спине.

— Не плачь, не грусти. Ну что ты как маленький ребёнок?

— Сама ты... ребёнок! У-у-у! — Гуань Сяо плакала, уткнувшись в плечо Цзиньюй. Горячие слёзы пропитали одежду, обжигая кожу. Цзиньюй так хотелось поцеловать эту беспомощную женщину, дать ей сил, но она не могла. Она боялась, что если нарушит эту грань, то Гуань Сяо исчезнет, как тот школьный сосед. Она предпочитала видеть её рядом, пусть даже так, чем потерять навсегда.

— Успокоилась? Пойдём домой, уже половина одиннадцатого, старик всё ещё там, — прошептала Цзиньюй. Гуань Сяо отстранилась и вытерла красные глаза.

— Точно! Скорее, если он там что-то натворит, я себе не прощу! — она вскочила, но Цзиньюй удержала её за руку:

— Гуань Сяо, обещай мне: когда вернёмся, не злись, говори спокойно.

Гуань Сяо, взглянув на Цзиньюй, пострадавшую из-за неё, кивнула. Они быстрым шагом направились домой.

18. Глава восемнадцатая

Войдя в квартиру, они обнаружили тишину. Старика и след простыл.

— Даже не попрощался, сбежал, как только сделал своё дело! — проворчала Гуань Сяо. Она с раздражением посмотрела на беспорядок в гостиной, на засохшие пятна крови на полу и взъерошила волосы.

— Давай поищем его? — Цзиньюй уже собиралась к выходу, но Гуань Сяо удержала её.

— Не надо. Он не пропадёт. Получил деньги — ушёл, кончатся — появится снова. Всегда так.

— Ну ладно.

— Цзиньюй, иди отдохни, я сама приберусь, — Гуань Сяо закатала рукава и пошла за водой, но Цзиньюй последовала за ней в ванную.

— Ты чего? Выходи, выходи, — Гуань Сяо, делая вид, что сердится, насильно развернула Цзиньюй и вытолкала её.

— Но мне не хочется спать.

— Не хочется — смотри телевизор. Сюда не лезь. Если ты не позволишь мне хоть немного искупить вину, я впаду в депрессию, — Гуань Сяо почти силой усадила её на диван. Видя, что помочь не удастся, Цзиньюй пошла на кухню, помыла виноград и арбуз, нарезала всё

аккуратными кусочками и вернулась в гостиную. А Гуань Сяо, вооружившись тряпкой, усердно драила пол. Цзиньюй же скрупулёзно очищала виноградины от косточек, складывая их в мисочку, затем разделалась с арбузом, вынимая каждую семечку и вставляя зубочистки.

Гуань Сяо, вытирая пот со лба, чувствовала, как становится жарко. Вдруг прямо перед ней возник кусочек арбуза. Она подняла голову и увидела улыбающуюся Цзиньюй с миской в руках.

— Твоя работа — уборка, моя — кормить тебя, чтобы не пришлось лишний раз мыть руки. Быстрее закончим — быстрее ляжем спать, тебе же завтра на работу.

Против такого аргумента не поспоришь. Гуань Сяо покраснела и съела арбуз. Сладость и холод принесли облегчение, и она стала работать ещё быстрее, надеясь закончить побыстрее, чтобы перестать краснеть под заботливым взглядом Цзиньюй.

— Всё, готово! — Гуань Сяо выпрямилась, разминая поясницу. Она жалела, что в квартире деревянный пол — слишком много мороки.

— Поясница болит? Давай помассирую? — Цзиньюй подошла и слегка нажала на поясницу Гуань Сяо. — Кстати, Цзиньюй, возьми завтра отгул, ты же не сможешь так идти на работу!

— Нельзя, завтра приезжает руководство компании А, у нас новый совместный проект. Я должна объяснить отделу детали.

— Компания А? Ты про ту самую компанию А?

— Да, что-то не так?

<http://bllate.org/book/21770/2251350>